учесть все встретившиеся в рукописях упоминания, с тем, чтобы попытаться установить хотя бы приблизительно круг читателей этого произведения.

Ни о чем не говорят разного рода оборванные и незавершенные записи, вроде «Спис... Сави...» (БАН, 31.3.30), «Из книг Вас... М...» (ГПБ, F.III.23), «Тимофея Орлова» (ЛОИИ, Воронцов, 213). Но уже такие записи, как «Сия книга списана Михайлом Ульяновым сыном Урлановым» (ГБЛ, Новоструев, 41) или «Списана тщанием и иждевением Феопомпта Васильева Попова» (БАН, 33.8.10),[39] относящиеся соответственно к 1730 и 1756 годам, благодаря отсутствию отчества на «ич» свидетельствуют о недворянском происхождении владельцев книги. «От нижайших как по природе, так и фартуной Никифор» — так называет себя владелец списка БАН, 17.15.20.

Несравненно больший интерес представляют записи, содержащие точные сведения о социальном положении владельцев книг. Сия книга Раймунда Люлия, — читаем мы в списке ГПБ, Солов. 1508/49, — «Соловецкого монастыря крестьянина Семена Иванова сына Лукичева, которую продал Григорью Алексееву сыну Титову, того монастыря служителю, а цены взял (выскоблено, — *А. Г.*). Подписал я, Лукичев, своею рукою». В другом современном списке сохранилась следующая запись: «Московской суконной фабрики ученик Григорей Попков продал книгу Раймунду Люлию зачисто, в том и росписался своею рукою 1751 г. марта 22». (ГПБ, F.III.105). Позднее сделана запись на экземпляре ГБЛ, Муз. 243: «Сия книга Нижнотагильского завода жителя Кондратья Семенова Рубленова собственная. 1801-го году, февраля 8 дня». *Рукопись Калининского архива № 738 принадлежала в 1743 году петербургскому* купцу Ивану Панову; рукопись ЦГАДА, МАМИД, № 891/1457 — петербургскому купцу Павлу Никифорову сыну Посникову. Рукопись БАН, Успенского, 127 имеет следующую владельческую запись: «Сия книга принадлежит воронежскому купцу Ивану Деину с братьями его». Купеческой семье Францовых принадлежал список ГПБ, Тиханов, 216, о чем свидетельствует запись: «Сия книга принадлежит курскому купцу Федору Яковлеву сыну Францову, доставшая по наследству от родителя своего Якова Григорьева сына Францова в 1844 г.». Наконец, рукопись ГПБ, Q.III.12 «куплена в 1813 г. у отставного порутчика Александра Дзиержановского».

Все остальные записи не представляют интереса для определения круга читателей «Великой науки», так как принадлежат не владельцам-читателям, а владельцам-коллекционерам. Предметом коллекционирования «Великая наука Раймунда Люллия» становится уже в XVIII веке; первая из такого рода записей, на титульном листе рукописи ГПБ, F.III.2, принадлежит известному коллекционеру П. Дубровскому: «Ex Museo Petri Dubrowsky. Parisiis. 1779».

При всей ограниченности и неполноте приведенных данных, важно отметить, что все известные нам владельцы рукописей «Великой науки» принадлежат к *демократическим слоям населения, к «третьему сословию» русского* общества XVIII века. Обращение автора к «неученым» было услышано. «Искатели науки сея» — «нижайшие как по природе, так и фартуной»: купцы, крестьяне, мастеровые стремились найти ключ к знаниям в люллиевом «искусстве».

Сохранившиеся в рукописях пометы читателей, записи на чистых листах, маргиналии позволяют судить о том, что искал читатель XVIII века в «Великой науке», что именно представляло для него интерес в сочинении часто уже полувековой давности, требовавшем немалых средств и времени на переписку, немалых сил на чтение и усвоение сложного содержания.[40]

---

[39] В подлиннике — тайнопись. Расшифровка Б. Е. Райкова (Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, стр. 60).

[40] Мы оставляем в стороне приписки коллекционеров. Они содержат сведения о биографии и воззрениях Раймунда Люллия, почерпнутые из научной